

Киплинг Редьярд

Собрание сочинений Киплинга

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Р33

Р33 **Редьярд К.**
Собрание сочинений Киплинга / Киплинг Редьярд – М.: Книга по Требованию, 2026. –
252 с.

ISBN 978-5-519-89046-5

ISBN 978-5-519-89046-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Редіардъ Киплингъ.

Редіардъ Киплингъ безспорно одинъ изъ талантливѣйшихъ современныхъ англійскихъ писателей. Плодовитость его, отъ которой не страдаетъ литературное достоинство его произведеній, поразительна. Въ возрастѣ, когда бѣольшая часть писателей еще отыскиваетъ дорогу, онъ уже написалъ болѣе тридцати томовъ!

Редіардъ Киплингъ, сынъ писателя и директора лагерской школы художествъ, родился въ 1864 году въ Бомбеѣ. Получивъ образованіе въ Англіи, Киплингъ въ 1882 году вернулся въ Индію, гдѣ вступилъ на журнальное поприще и сдѣлался соредакторомъ «*Lahore Civil and Military Gazette*», вмѣстѣ съ тѣмъ онъ началъ писать стихи и коротенькіе рассказы. Вскорѣ образовался цѣлый томъ его произведеній, появившійся въ печати въ 1886 году. Въ Лондонѣ Киплингъ очень подружился съ молодымъ американцемъ Уолькоттомъ Балистье, семья котораго жила въ горахъ штата Вермонта, на фермѣ, называемой Нолакга. Молодой романистъ познакомился съ миссъ Балистье и влюбился въ нее. Въ 1892 году онъ женился на ней и отправился съ молодою женою въ Америку, на прелестную, пустынную ферму Нолакга, гдѣ могъ работать совершенно свободно. Каждое утро, въ девять часовъ, онъ принимался за работу и занимался до часу пополудни. Затѣмъ онъ отправлялся въ горы или предпринималъ какую-нибудь отдаленную прогулку на велосипедѣ. Онъ очень любилъ также заниматься садоводствомъ.

Самыя первыя произведенія Киплинга привлекли къ нему вниманіе, и не мимоетное, обращаемое на новаго писателя, подающаго извѣстныя надежды. Въ данномъ случаѣ появился безспорный талантъ, и талантъ вполне оригинальный. Киплингъ началъ помѣщать свои произведенія въ лагерской газетѣ, въ которой исполнялъ обязанности, сходныя съ обязанностями секретарей редакціи. Онъ долженъ былъ, насколько возможно, задерживать окончатель-

ную сверстку газеты до полученіи какой-нибудь важной телеграммы, что иногда случалось. Разъ ночью, въ субботу, было ужасно жарко; знойный западный вѣтеръ, называемый въ Индіи лоо, дулъ съ страшною силою; все предвѣщало бурю. Въ типографіи было свѣжѣе, чѣмъ въ кабинетѣ Киплингъ. Онъ пошелъ туда и смотрѣлъ, какъ работаютъ полуголые наборщики при сильномъ стукѣ шрифта, падавшаго съ наборныхъ верстаковъ. Наконецъ, послѣдняя строка газеты была набрана, телеграммы о какомъ-либо важномъ событіи получено не было, и Киплингъ, сидѣвшій задумавшись, приказалъ пустить въ ходъ скоропечатную машину. Было три часа пополудни. Въ эту ночь Киплингъ обдумалъ первую свою повѣсть, вошедшую въ первый томъ его сочиненій.

Изучивъ типографское дѣло, Киплингъ рѣшилъ самъ напечатать и издать свои сочиненія. Для этого онъ бралъ шрифтъ изъ кассъ наборщиковъ, чѣмъ приводилъ ихъ въ отчаяніе. Въ одинъ прекрасный день всѣ повѣсти, имъ написанныя, были напечатаны въ двухъ томахъ и напечатаны весьма странно; но печатаніе ихъ ничего не стоило автору, являвшемуся полнымъ собственникомъ этихъ произведеній. Напечатанные томы имѣли весьма оригинальный видъ: всѣ они были непомѣрно длинны и узки. Текстъ былъ напечатанъ на одной сторонѣ листа, другая оставлена пустою. Книжки были сброшюрованы въ грубую, темную бумагу и связаны красною лентою. Напечатано было нѣсколько сотъ экземпляровъ. Замѣчательнъ способъ, употребленный Киплингъ для того, чтобы пустить въ ходъ свои сочиненія. Издателя у него не было, платить за публикаціи было нечѣмъ. Онъ купилъ почтовые бланки съ отвѣтомъ, на одной сторонѣ ихъ отпечаталъ предложеніе своихъ сочиненій, на другой заказъ и послалъ эти бланки къ болѣе зажиточнымъ жителямъ страны. Такимъ способомъ Киплингъ чрезвычайно упрощалъ дѣло, не нужно было входить въ сдѣлки съ книгопродавцами, платить за складъ книгъ, вообще прибѣгать къ кредиту и прочее. Получались скромныя рупіи и передавались издателемъ автору, то есть перекладывались изъ лѣваго въ правый карманъ Киплингъ. Между тѣмъ, проволока переплета рвала листы книгъ, красная лента ихъ пачкала. Провинціальныя газеты на это жаловались и просили второго изданія. Редіардъ Киплингъ охотно это исполнилъ и вошелъ въ соглашеніе съ издателемъ. Сочиненія его были изданы съ извѣстною роскошью; но все-таки поэтъ съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ смотрѣлъ на первое безобразное изданіе, впервые доставившее ему возможность общенія съ публикою.

Успѣхъ сочиненій Киплингъ достигъ Англіи, и его имя вышло изъ неизвѣстности. Но несчастный поэтъ все-таки былъ связанъ ежедневною работою въ газетѣ. Только по окончаніи дневного

труда онъ могъ писать свои прелестныя повѣсти, и писалъ много. Имя его сдѣлалось извѣстнымъ повсюду. Онъ вошелъ въ сношенія съ англійскими книгопродавцами, главнымъ образомъ съ фирмою Макмиллена, которою въ 1893 году издана прелестная книга «Jungles Book».

Киплингъ писалъ рассказы прозою, кое-гдѣ вставляя стихи, но выпустилъ и цѣлый томъ стихотвореній «The Seven Seas». Всѣ согласны, что Реджардъ Киплингъ даровитый поэтъ, отлично владѣющій просодіею, постигшій тайну языковъ боговъ. Стэдъ, профессоръ Шарль-Эллиотъ Нортонъ, Стэдманъ, всѣ въ восторгѣ отъ стиховъ Киплинга. Замѣчательно разнообразіе предметовъ и сценъ, описанныхъ въ «The Seven Seas». Эпиграфъ въ стихахъ служитъ какъ бы предисловіемъ и выясняетъ цѣли поэта: «Всякій читатель, подъ впечатлѣніемъ настоящихъ рассказовъ, воспроизведетъ описываемыя событія съ своей точки зрѣнія, только Богу извѣстенъ настоящій смыслъ событій». За этимъ эпиграфомъ слѣдуютъ разнообразныя рассказы. Киплингъ въ звучныхъ стихахъ описываетъ, что онъ видѣлъ на поляхъ битвъ въ Афганистанѣ, на холмахъ Вермонта, въ индійскихъ пагодахъ, на улицахъ Лондона, на мандайсскихъ дорогахъ и на берегахъ Массачузетса. Одна изъ особенностей Киплинга заключается въ томъ, что онъ удивительно легко усваиваетъ самую разнообразную терминологию. Самъ онъ занимается лишь двумя видами спорта: ѣздою на велосипедѣ и уженіемъ рыбы, но въ совершенствѣ усвоилъ себѣ техническія выраженія спортсменовъ и военныхъ, такъ что его можно принять за завзятаго спортсмена или военнаго. Индійскіе кавалеристы, очарованные тѣмъ, что Киплингъ подробно изучилъ свойства лошадей и передалъ свое изученіе звучными, прелестными стихами, торжественно заявили, что онъ величайшій изъ всѣхъ современныхъ поэтовъ. Моряки утверждаютъ, что онъ въ совершенствѣ знаетъ жизнь матросовъ и всѣ морскія техническія выраженія.

Страстный охотникъ уженія рыбы, Киплингъ ежегодно отправляется въ Шотландію на ловлю легендарной лососяны на сѣверѣ Твида. Теперь лосося стали появляться тамъ рѣдко. Въ нѣкоторыхъ рѣчкахъ они еще водятся, но эти рѣчки отданы въ аренду богатымъ собственникамъ, ни за что не желающимъ поступиться своими правами. Что же выдумалъ Киплингъ? Онъ написалъ повѣсть для спортсменской газеты и, въ видѣ гонорара, потребовалъ права ловить рыбу въ великолѣпной заповѣдной рѣчкѣ издателя. Разумѣется, издатель съ радостью согласился на предложеніе Киплинга и убѣжденъ, что сдѣлалъ выгодное дѣло, въ чемъ не ошибается.

Съ перваго раза Киплингъ кажется человѣкомъ холоднымъ и очень сдержаннымъ. Дѣйствительно, онъ не отличается особенною

сообщительностью съ незнакомыми. Холодность его быстро пропадаетъ съ людьми, пришедшими ему по душѣ: онъ дѣлается очень милымъ и любезнымъ, и у него немало друзей. Привычку Киплинга сторониться отъ незнакомыхъ людей можно объяснить слѣдующимъ происшедшимъ съ нимъ случаемъ. Когда англо-индійскій писатель началъ приобретать извѣстность, всѣ думали, что Киплингъ не настоящее его имя, а псевдонимъ. Нѣкоторые предполагали, что новый писатель—женщина. Другіе, американскіе журналисты, были убѣждены, что новый писатель—ихъ молодой коллега, отправившійся въ Индію немедленно по выходѣ изъ коллегіи. Въ Америкѣ всѣ были убѣждены въ правильности предположеній журналистовъ, такъ что предполагаемому писателю пришла мысль повидаться съ настоящимъ; но Киплингъ не захотѣлъ бесѣдовать съ своимъ двойникомъ. Тотъ настаивалъ. Киплингъ разсердился на самозванца. Бѣдный писатель не зналъ еще американскихъ репортеровъ. Двойникъ Киплинга поѣхалъ за нимъ въ Лондонъ и поймалъ его у издателя его произведеній. Неизвѣстно, какъ оправдывался американскій репортеръ передъ Киплингомъ, но, должно быть, горячо: онъ вышелъ отъ издателя, не только переговоривъ съ Киплингомъ, но и унося съ собою собраніе его сочиненій съ весьма любезною подписью автора.

Таковъ человекъ, приобретшій значительную извѣстность въ литературѣ въ такіе годы, когда его собратья по перу дѣлаютъ только первые шаги на литературномъ поприщѣ. Киплингъ неутомимый работникъ, онъ печатаетъ томъ за томомъ, и незамѣтно, чтобы трудъ стоилъ ему большихъ усилій. Одаренный выдающимся поэтическимъ талантомъ, Киплингъ создаетъ характеры, полные жизни, описывая ихъ съ удивительною точностью. Замѣчательны также его рассказы, въ которыхъ дѣйствующими лицами являются животныя, описанныя съ тонкою наблюдательностью и пониманіемъ ихъ характерныхъ особенностей. Проза Киплинга ясна и легка; кажется, что фразы такъ и льются съ его пера. Внимательное чтеніе и изученіе его произведеній приводятъ къ заключенію, что они написаны мастерски, но авторъ употребилъ немало труда для отдѣлки слога.

СВѢТЪ ПОГАСЪ.

I.

— Какъ ты думаешь, что она сдѣлаетъ съ нами, если узнаетъ? Вѣдь намъ бы не слѣдовало дѣлать это,—сказала Мэзи.

— Меня поколотить, а тебя запретъ въ спальню,—не задумываясь, отвѣчалъ Дикъ.—Патроны у тебя?

— Да, у меня въ карманѣ, но ужасно трясутся. Они не могутъ выстрѣлить?

— Не знаю. Если боишься, давай ихъ мнѣ, а сама возьми револьверъ.

— Я «не» боюсь.

Мэзи бойко побѣжала впередъ, засунувъ руку въ карманъ и вздернувъ голову. Дикъ слѣдовалъ за ней съ маленькимъ карманнымъ револьверомъ.

Въ одинъ прекрасный день дѣти рѣшили, что ихъ существованіе будетъ невыносимымъ, если они не выучатся стрѣлять. Цѣною многихъ лишеній Дикъ скопилъ семь шиллинговъ шесть пенсовъ на покупку плохого бельгійскаго револьвера. Мэзи съ своей стороны внесла въ синдикатъ только полкрона—цѣна сотни патроновъ.

— Ты лучше меня умѣешь копить деньги, Дикъ,—объясняла она,—я люблю сладости, а ты нѣтъ. Притомъ же всѣ такія вещи слѣдуетъ дѣлать мальчикамъ.

Дикъ поворчалъ немного, однако, пошелъ за покупками, а теперь они памѣревались ихъ испытать. Стрѣльба изъ револьверовъ вовсе не входила въ обиходъ ихъ повседневной жизни установленной опекуной, которая, какъ ошибочно думали, замѣняла мать двумъ сиротамъ. Дикъ находился на ея попеченіи уже шесть лѣтъ, въ теченіе которыхъ она такъ попользовалась деньгами, расходовавшимися якобы на его бѣлье, и частью по небрежности, частью по естественной раздражительности,—она была вдова, то-

жившаяся желаніемъ вторично выйти замужъ, — порядкомъ отравляла ему жизнь. Когда онъ жаждалъ любви, она относилась къ нему съ отвращеніемъ, а въ послѣдствіи съ ненавистью. Когда, подросши, онъ искалъ хоть немного симпатіи, она относилась къ нему съ насмѣшкой. Часы досуга, остававшіеся у нея отъ немногосложныхъ заботъ по хозяйству (которое было очень невелико), она посвящала тому, что называла воспитаніемъ Дика Гельдара. Религія, которую она истолковывала на основаніи собственныхъ соображеній и усерднаго чтенія Св. Писанія, помогала ей въ этомъ дѣлѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда у ней не было причинъ для недовольства Дикомъ, она замѣчала, что ему жестоко достанется отъ Творца; въ результатѣ Дикъ приучался опасаться Бога такъ же, какъ ненавидѣлъ мистриссъ Дженнеттъ: настроеніе врядъ ли душеспасительное для юношества. Послѣ того, какъ она провозгласила его неисправимымъ лгуномъ, — когда онъ впервые солгалъ изъ страха наказанія, — онъ и вправду сдѣлался лгуномъ, но осторожнымъ и хитрымъ, никогда не прибѣгавшимъ къ бесполезному обману и не отступавшимъ передъ самой черной неправдой, если только она могла хоть немного облегчить его существованіе. Это воспитаніе по крайней мѣрѣ развило въ немъ привычку къ одиночеству, оказавшуюся очень полезной въ школѣ, гдѣ товарищи смѣялись надъ его одеждой, которая была изъ плохой матеріи и въ заплаткахъ. По праздникамъ онъ являлся къ мистриссъ Дженнеттъ и, не пробывъ полсутокъ подъ ея кровлей, успѣвалъ обыкновенно получать потасовку, дабы дисциплина домашняго воспитанія не ослаблялась подъ вліяніемъ сношеній съ вѣншнимъ міромъ.

Пріѣхавъ однажды на вакаціи, онъ встрѣтилъ въ домѣ м-ссъ Дженнеттъ товарища по заключенію въ лицѣ длинноволосой, сѣроглазой крошки, которая оказалась такой же сдержанной, какъ и онъ самъ; молчаливо рассказывала она по дому и въ первое время разговаривала только съ козой — своимъ единственнымъ другомъ, обитавшимъ въ саду. М-ссъ Дженнеттъ хотѣла было изгнать козу на задній дворъ на томъ основаніи, что она язычница, что, несомнѣнно, было справедливо.

— Тогда, — сказала крошка очень спокойно, — я напишу моимъ опекунамъ, что вы очень злая женщина. Амонна — моя, моя, моя!

М-ссъ Дженнеттъ двинулась было по направленію къ передней, гдѣ стояли знакомые Дикю тросточки и зонтики. Крошка не хуже Дика поняла смыслъ этого движенія.

— Меня били прежде, — сказала она тѣмъ же безстрастнымъ тономъ. — Били такъ, какъ вамъ никогда не прибить. Если вы будете драться, я напишу моимъ опекунамъ, что вы морите меня голодомъ. Я васъ не боюсь.

М-ссъ Дженнеттъ не пошла въ переднюю, а крошка, убѣдившись, что всякая опасность миновала, отправилась къ Амоммѣ выплакать свое горе на ея шеѣ.

Дикъ узналъ, что ее зовутъ Мэзи, и сначала относился къ ней съ глубокимъ недоверіемъ, опасаясь какъ бы она не отравила ему немногихъ свободныхъ минутъ, которыми онъ пользовался. Однако, она не мѣшала ему, но и не выказывала попытокъ къ сближенію, такъ что въ концѣ концовъ онъ сдѣлалъ первый шагъ. Ихъ соединила общая гроза наказанія, и, придумывая различныя увертки, чтобы обойти м-ссъ Дженнеттъ, они дѣйствовали заодно. Когда послѣ вакацій Дикъ уѣзжалъ въ школу, Мэзи шепнула ему:

— Теперь я останусь одна и некому будетъ помогать мнѣ; но,—прибавила она, задорно тряхнувъ головкой,—я и одна справлюсь. Ты обѣщалъ прислать Амоммѣ ошейникъ. Смотри же, пришли скорѣе.

Спустя недѣлю, когда пришла почта, она справилась насчетъ ошейника и была очень недовольна, что онъ еще не готовъ. Когда же, наконецъ, Дикъ исполнилъ обѣщаніе, она забыла поблагодарить его.

Съ тѣхъ поръ прошло много вакацій, и Дикъ превратился въ худшаваго подростка, болѣе чѣмъ когда-либо тяготившагося своими заплатами и прорѣхами. М-ссъ Дженнеттъ ни на минуту не оставляла его своими нѣжными заботами, но регулярныя порки въ школѣ—Дикъ подвергался наказанію раза три въ мѣсяцъ—внушили ему глубокое презрѣніе къ ней.

— Она не больно дерется,—объяснялъ онъ Мэзи, подстрекавшей его къ возмущенію,—а поколотивъ меня, становится ласкова съ тобой.

Такъ выросталъ онъ, заброшенный и озлобленный, о чемъ хорошо было извѣстно младшимъ ученикамъ школы, такъ какъ подъ сердитую руку онъ дразнилъ ихъ очень искусно. Не разъ пробовалъ онъ дразнить и Мэзи, но дѣвочка рѣшительно не желала быть несчастной.

— Мы оба несчастны,—говорила она.—Къ чему же еще ухудшать наше положеніе? Лучше подумаемъ, чѣмъ бы намъ развлечься.

Результатомъ этихъ размышленій явилось пріобрѣтеніе револьвера. Пустить его въ дѣло можно было только вдали отъ пристани и купаленъ, на грязномъ побережьи, у подножія зеленыхъ склоновъ форта Килингъ. Въ этомъ мѣстѣ приливъ покрывалъ берегъ почти на двѣ мили, и пестрыя лужи, согрѣваемые солнцемъ, издавали тяжелый запахъ гниющей травы. Было уже поздно, когда Дикъ и Мэзи явились сюда; Амомма терпѣливо трусила за ними.

— Уфъ!—произнесла Мэзи, нюхалъ воздухъ.—Удивляюсь, отчего море такъ скверно пахнетъ. Я ненавижу этотъ запахъ.

— Ты все ненавидишь, что не для тебя создано, — сердито проворчалъ Дикъ. — Дай мнѣ патроны, я выстрѣлю первый. Далеко ли хватаютъ эти маленькіе револьверы?

— О, на полмили, — живо отвѣчала Мэзи. — По крайней мѣрѣ, трескъ отъ нихъ ужасный. Осторожнѣе съ патронами, Дикъ; вотъ эта штучка съ зубчиками кругомъ можетъ надѣлать бѣды. Пожалуйста, Дикъ, осторожнѣе.

— Будь покойна. Я умѣю заряжать. Я выстрѣлю въ бракватеръ.

Раздался выстрѣлъ; Амомма съ жалобнымъ блеяніемъ шарахнулась въ сторону; пуля расплескала грязь направо отъ обвитой водорослями свай.

— Забралъ въ сторону и слишкомъ высоко. Ну, попробуй теперь ты, Мэзи. Онъ заряженъ на всѣ шесть стволовъ.

Мэзи взяла револьверъ, подступила къ самому краю лужи и осторожно прицѣлилась, скрививъ губы и прищутивъ лѣвый глазъ. Дикъ, присѣвъ на травѣ, глядѣлъ на нее, подсмѣиваясь. Амомма осторожно вернулась къ нимъ. Она привыкла ко всякимъ неожиданностямъ во время вечернихъ прогулокъ и теперь, видя, что ящичекъ съ патронами лежитъ на травѣ, принялась съ очевиднымъ интересомъ обнюхивать его. Мэзи выстрѣлила, но не видала, куда ударились пуля.

— Кажется, попала въ бракватеръ, — сказала она, прикрывая рукой глаза и вглядываясь въ безбрежное море.

— Навѣрно, попала въ колоколь на бакалѣ, — съ усмѣшкой сказалъ Дикъ. — Стрѣляй лѣвѣй и ниже, тогда, пожалуй, попадешь въ цѣль. О, смотри, Амомма ѣстъ патроны.

Мэзи обернулась съ револьверомъ въ рукѣ и увидала Амомму, удиравшую отъ камней, которыми швырялъ въ нее Дикъ. Нѣтъ ничего святого для избалованной козы. Обожаемая своею госпожею, никогда не терпѣвшая недостатка въ пищѣ, Амомма тѣмъ не менѣе проглотила два заряженныхъ патрона. Мэзи поспѣшила удостовѣриться, правду ли сказалъ Дикъ.

— Да, она съѣла двѣ штучки.

— Чудовище! Теперь они выстрѣлятъ въ ней и разорвутъ ее... О, Дикъ, неужели я тебя убила?

Револьверы не совсѣмъ безопасная вещь въ неопытныхъ рукахъ. Мэзи не могла объяснить, какъ это случилось, но вдругъ облако дыма заволокло фигуру Дика, и ей показалось, что револьверъ выстрѣлилъ ему въ лицо. Потомъ она услышала его голосъ и бросилась на колѣни подлѣ него съ крикомъ:

— Дикъ, ты не раненъ, нѣтъ, я не хотѣла попасть въ тебя!

— Ну, разумѣется, не хотѣла, — отвѣчалъ Дикъ, потирая щеку. — Но ты чуть не ослѣпила меня. Этотъ порохъ ужасно

жжется. — Небольшое сѣрое пятно на камнѣ показывало, куда направилась пуля. Мэзи захныкала.

— Перестань, — сказалъ Дикъ, вставая и отряхиваясь, — я ни крошечки не раненъ.

— Да, но я могла убить тебя, — возразила Мэзи, — что бы я тогда стала дѣлать?

— Вернулась бы домой и сказала мистриссъ Дженнеттъ, — отвѣчалъ Дикъ и усмѣхнулся при этой мысли. Потомъ прибавилъ болѣе мягкимъ тономъ: — Полно, не горюй. Притомъ же мы терпимъ время. Вѣдь намъ нужно еще поспѣть домой къ чаю. Дай-ка револьверъ.

Мэзи врядъ ли бы утѣшилась при упоминаніи о мистриссъ Дженнеттъ, но равнодушіе Дика — рука его, однако, дрожала, поднимая револьверъ — ободрило ее. Она лежала на берегу, стараясь подавить свое волненіе, пока Дикъ методически бомбардировалъ бракватеръ.

— Попалъ, наконецъ! — воскликнулъ онъ, когда клочекъ травы отлетѣлъ отъ сваи

— Дай я попробую, — потребовала Мэзи. — Теперь я попаду.

Они стрѣляли поочереды, пока плохенькій револьверъ самъ почти разлетѣлся въ куски. Негодная Амомма, которой теперь каждую минуту грозила опасность взлетѣть на воздухъ, щипала траву и удивлялась, за что ее угостили камнями. Потомъ они нашли балку, плававшую въ небольшомъ прудѣ, и устались передъ этой новой мишенью.

— На слѣдующія вакаціи, — сказалъ Дикъ, свирѣпо дергая совершенно засорившійся револьверъ, — мы купимъ другой револьверъ, съ центральнымъ боемъ, они хватаютъ дальше.

— На слѣдующія вакаціи меня уже не будетъ здѣсь, — отвѣчала Мэзи. — Я скоро уѣду.

— Куда?

— Не знаю. Моя опекуны писали объ этомъ мистриссъ Дженнеттъ, и я буду воспитываться... можетъ быть, во Франціи... навѣрное не знаю; но я рада уѣхать отсюда.

— Миѣ такъ это вовсе не нравится. Я, вѣроятно, останусь здѣсь. Послушай, Мэзи, неужто ты въ самомъ дѣлѣ уѣдешь? Значитъ, въ эти вакаціи я вижу тебя въ послѣдній разъ? А на той недѣлѣ я возвращаюсь въ школу. Я бы желалъ...

Онъ не договорилъ и весь вспыхнулъ. Мэзи молча щипала траву и бросала ее внизъ по склону.

— Я бы желала увидѣть тебя еще разъ, — сказала она послѣ непродолжительной паузы. — Ты бы тоже хотѣлъ этого?

— Да; но... лучше бы было, еслибъ... еслибъ... ты застрѣлила меня тамъ... у сваи...

Мэзи съ изумленіемъ взглянула на него. Неужели это тотъ мальчикъ, который недѣлю тому назадъ украсилъ рога Амоммы бумажными фигурами и сдѣлалъ изъ нея помѣище всѣхъ встрѣчныхъ! Потомъ она опустила глаза: нѣтъ, это не тотъ мальчикъ.

— Не говори глупостей,—сказала она и тотчасъ же съ чисто женскимъ инстинктомъ атаковала его съ слабѣйшей стороны.— Какой ты эгоистъ! Подумай только, каково бы мнѣ было, еслибъ это ужасное оружіе убило тебя. Я и безъ того несчастна.

— Отчего? Оттого, что расстаешься съ мистриссъ Дженнеттъ?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ со мною?

Она не отвѣчала. Дикъ не рѣшался взглянуть на нее.

Въ эту минуту онъ почувствовалъ, чѣмъ были для него прошедшіе четыре года, и это чувство тѣмъ сильнѣе терзало его, что онъ не могъ выразить его словами.

— Не знаю,—сказала она, наконецъ.—Я думаю, что отъ того.

— Мэзи, ты должна знать. Я не думаю, а знаю.

— Пойдемъ домой,—сказала Мэзи слабымъ голосомъ.

— Я не умѣю говорить,—продолжалъ онъ,—и мнѣ ужасно жаль, что я такъ огорчилъ тебя... тотъ разъ... съ Амоммой... Но теперь совсѣмъ не то, а, Мэзи? Тебѣ слѣдовало бы сказать мнѣ, что ты уѣзжаешь, а не дожидаться, пока я самъ узнаю это.

— Да вѣдь ты и не узнавалъ. Я сама сказала. О, Дикъ, что пользы горевать?

— Конечно, никакой пользы; но мы жили вмѣстѣ столько лѣтъ, и я самъ не зналъ, что такъ пожалѣю о тебѣ.

— А мнѣ казалось, что ты вовсе не думаешь обо мнѣ.

— Да, я и самъ не зналъ... Но теперь я ужасно жалѣю о тебѣ, Мэзи,—пробормоталъ онъ едва внятно.—Мэзи, милочка, скажи, что и ты жалѣешь обо мнѣ.

— Да; право, и я жалѣю; но вѣдь это бесполезно.

— Почему?

— Потому что я уѣзжаю.

— Да, но общай, что ты будешь помнить обо мнѣ. Скажи только, общаешь?—Вторая «милочка» уже легче сорвалось съ его губъ. Въ школьной и домашней жизни Дика не было случаевъ приучиться къ нѣжности; но онъ инстинктивно нашелъ ея языкъ. Онъ схватилъ маленькую ручку, почернѣвшую отъ пороховаго дыма.

— Общаю,—отвѣчала она торжественно,—но если я жалѣю о тебѣ, такъ къ чему же общанія?

— Такъ ты жалѣешь?

Въ первый разъ ихъ взоры встрѣтились и сказали другъ другу о томъ, что не могло выразиться въ словахъ.